

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин,
А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк

МОДЕЛЬ ДОХОДНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ДИНАМИКА | ФАКТОРЫ | МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ

*Под редакцией доктора социологических наук
Н. Е. Тихоновой*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 316.4
ББК 60.54
М74

Рецензенты: д-р экон. наук *Е. М. Аврамова*, д-р социол. наук *Ю. В. Латов*

М74 Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под редакцией доктора социологических наук Н. Е. Тихоновой. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 368 с.
ISBN 978-5-4469-1419-7
DOI 10.31754/nestor4469-1419-7

Книга посвящена анализу специфики и динамики доходной стратификации российского общества и ориентирована как на научных работников, так и на преподавателей вузов. В ней представлен развернутый обзор используемых в российской и зарубежной практике подходов к доходной стратификации и обоснована оптимальная для российских условий методология выделения доходных групп при построении структуры общества по доходам. В центре внимания авторов также динамика модели доходной стратификации в России за последние несколько десятилетий, факторы попадания в те или иные доходные группы, специфика жизни и поведения представителей составляющих этих групп. Особый интерес представляет сравнительный анализ модели доходной стратификации в России с ситуацией в этой области в других странах мира, в т.ч. в динамике.

Для специалистов в области социологии, экономики и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, в также всех, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-4469-1419-7

9 785446 914197

© Коллектив авторов, 2018

© Издательство «Нестор-История», оформление, 2018

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *А. А. Хромов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 12.09.2018. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 23

Тираж 300 экз. Заказ № 1243

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Введение

Изучение социальной структуры общества допускает рассмотрение различных ее срезов. Можно выделять классовую структуру социума, анализировать составляющие его стилевые группы, строить модели стратификации по уровню жизни, рассматривать его профессиональную неоднородность и т. д. Одним из базовых срезов изучения структурированных неравенств в нем выступает и модель его доходной стратификации, комплексному анализу которой в современном российском обществе посвящена данная книга.

Стратификация по уровню доходов относится к числу одномерных типов стратификации, в основе которых лежит один признак — уровень дохода, определяющий неравенство групп в вертикальной иерархии конкретного сообщества. Использование однокритериальной шкалы «низкодоходные — высокодоходные» дает возможность получить численные оценки наименее и наиболее благополучных в этом отношении групп населения, определить риски расширения зоны бедности и малообеспеченности, оценить степень неравенства в обществе, выявить изменения, происходящие в нем с доходами различных групп под влиянием разных фаз экономического цикла — кризиса, рецессии или роста. Велика роль подобной шкалы и в сфере государственной социально-экономической политики, где данные о доходном распределении являются основой для принятия многих управленческих решений — от режимов налогообложения до мер поддержки тех или иных групп населения.

Доходное неравенство является самым острым и болезненным типом социальных неравенств, поскольку именно через доходы реализуется первоочередной доступ не только к экономическим, но и ко многим социальным благам. В этой связи анализ модели доходной стратификации и ее устойчивости во времени, изменений ее характера и глубины существующего в обществе неравенства, включая «разбег» полюсов, локализацию населения

в пространстве доходов, численность и состав отдельных доходных групп и т. д., необходим для лучшего понимания современного состояния российского общества, особенностей его социальной структуры и перспектив дальнейшей динамики. Кроме того, доходы являются наиболее удобным и понятным показателем при сравнении положения населения разных обществ. Соответственно, модели доходной стратификации позволяют соотнести в этом отношении Россию с другими странами мира и определить вектор эволюции российского общества в контексте неоднородности тенденций общемирового развития, выявив специфику трансформационных процессов в нашей стране в межстрановом контексте.

Особую актуальность проблеме доходной стратификации сегодня придает специфика социально-экономической ситуации, сложившейся в России в последние годы, когда население страны столкнулось со значительным снижением своих доходов после продолжительного периода экономического роста начала и середины 2000-х гг., за который успели сформироваться определенные стандарты потребления. В этих условиях остро стоит вопрос не только о количественной оценке динамики доходов различных групп россиян, но и о том, какие качественные изменения произошли в их жизни в этой связи и могут ли эти изменения повлечь за собой нарастание негативных тенденций в социально-экономическом и политическом развитии России.

В то же время серьезной литературы, посвященной проблеме доходной стратификации российского общества, особенно учитывающей тенденции ее изменения в 2014–2017 гг., удивительно мало. Возможно, это связано с тем, что, на первый взгляд, проблема доходной стратификации кажется достаточно простой — данные по структуре российского общества с точки зрения доходов населения регулярно публикуются ФСГС РФ. Однако они не позволяют построить модель стратификации по доходам, пригодную для корректного изучения характеристик и факторов принадлежности к различным группам, их динамического сравнения и международных сопоставлений. Экономические и социологические выборочные обследования также собирают данные о доходах, однако их анализ обычно ведется только в логике оценки динамики номинальных и реальных доходов, но не изучения модели доход-

ной стратификации в целом, в том числе как отражения специфики этапа развития российского социума.

В этой связи задачи исследования, результаты которого предлагаются читателю в данной книге, определились его основной целью — комплексным изучением состояния и динамики модели доходной стратификации российского общества и численности отдельных составляющих ее групп за последние 25 лет с учетом международных сопоставлений, а также территориально-поселенческих особенностей этой модели внутри самой России.

Нетипична для России, хотя, как показано в книге, широко используется в мире, и методология проведенного исследования. В этой связи надо отметить, что разработка методологии анализа доходной стратификации, позволяющей выделить реальные, а не статистические социальные группы, представляет собой очень нетривиальную задачу. Хотя доходная стратификация является одним из наиболее простых подходов к анализу социальной структуры, она требует учета не только размера доходов, но и особенностей распределения доходного неравенства, выделения относительно однородных по их жизненным возможностям доходных групп, оценки устойчивости особенностей этих групп и специфичности характера их реакции на социально-экономические шоки. Сложность этой задаче добавляет и тот факт, что подходы к определению и анализу стандартов жизни, отражающихся в доходах, в современной социологической и экономической литературе очень многообразны, в т. ч. в зависимости от уровня развития страны и существующего в ней типа социума, напрямую связанных с ее прошлым историческим опытом и особенностями культуры. В разных странах и на разных этапах их развития для выделения групп в рамках доходной структуры используются поэтому не просто различные границы, но принципиально разные подходы к определению этих границ.

Поиск ответа на вопрос о том, какой из этих подходов является оптимальным для России, — самостоятельная научная задача. Подробно эта проблема с использованием большого числа зарубежных и российских источников освещена в первом разделе данной книги, однако уже сейчас отметим, что как в российской практике (в т. ч. в данных ФСГС РФ), так и в международных исследованиях

доходных неравенств (проводимых, например, Всемирным банком) для развивающихся стран, к каковым обычно относится и Россия, используется абсолютный подход к доходной стратификации, т. е. определение групп через границы, априори задаваемые конкретными суммами доходов. В то же время проведенный нами эмпирический анализ, результаты которого изложены в первом разделе книги¹, показал, что в российских условиях более целесообразным является применение не абсолютного, а относительного подхода к доходной стратификации, также широко используемого в мире, но в основном в развитых странах. Одна из вариаций этого подхода основана на использовании медианных значений доходов, отражающих типичный уровень жизни конкретного общества на определенном этапе его социально-экономического развития. Именно эта методика и легла в основу исследования, результаты которого изложены в данной книге.

Кроме исключительно методологических сюжетов, в первом разделе монографии дана также характеристика особенностей жизни и поведения представителей различных доходных групп и их реакции на кризис 2014–2016 гг. Зафиксированная при этом специфика свидетельствует о том, что выделенные в рамках построения модели доходной стратификации группы — это реальные социальные группы, различающиеся особенностями их жизненных возможностей и установок. Еще одним свидетельством этого стали результаты анализа рисков, которым подвержены представители этих групп, прежде всего — рисков оказаться в числе бедных при ухудшении экономической ситуации в стране, также представленные в первом разделе книги.

Во втором разделе книги² дается характеристика российской модели доходной стратификации с учетом ее динамики за последние 25 лет и проводится ее сравнение с ситуацией в ряде других стран мира, прежде всего — разных типов европейских стран.

¹ Авторами глав, входящих в первый раздел книги, являются В. А. Аникин (главы 1.1 и 1.3), Ю. П. Лежнина (глава 1.1), С. В. Мареева (главы 1.2 и 1.5), Е. Д. Слободенюк (глава 1.6). Ю. П. Лежнина и С. В. Мареева являются также авторами данного введения.

² Авторами глав, входящих во второй раздел книги, являются А. В. Каравай (главы 2.1 и 2.5), Ю. П. Лежнина (глава 2.4), Н. Е. Тихонова (главы 2.1, 2.2 и 2.3) и Е. Д. Слободенюк (глава 2.6). Н. Е. Тихонова является также автором заключения к данной книге.

В разделе показано, что Россия по типу доходной стратификации массовых слоев населения относится к странам европейского культурно-цивилизационного ареала, но отличается от них чрезвычайно глубоким отрывом элитных и субэлитных групп от массовых слоев общества, характерным для неевропейских ареалов развития. В этом же разделе представлены и результаты анализа пространственной неоднородности нашей страны в контексте проблематики доходной стратификации и продемонстрировано, что общая модель доходной стратификации корректно отражает локальное неравенство в населенных пунктах разного типа с учетом свойственных им стандартов жизни. Отдельно рассмотрены также вопросы, связанные с обусловленностью принадлежности россиян к тем или иным доходным слоям различными факторами индивидуального характера: пола, возраста, уровня образования, сферы занятости и т. д. Самостоятельным сюжетом в рамках этого анализа стало и изучение факторов бедности в российском обществе.

Реализация такого комплексного, многоаспектного замысла стала возможна только благодаря использованию в процессе анализа богатой эмпирической базы. В нее вошли данные ряда тематических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН за 2004–2017 гг., исследований Института комплексных социальных исследований РАН и Российского независимого института социальных и национальных проблем за 1994–2003 гг., а также широко известного во всем мире Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 1994–2015 гг.³ Для международных сопоставлений были использованы данные Международной программы социальных исследований (The International Social Survey Programme⁴), позволившие провести сравнение эволюции моделей доходной стратификации в России и ряде стран из разных регионов мира — от Швеции и Германии до Мексики и Венесуэлы — за период 1994–2015 гг. Широко используются в книге и статистические данные, причем как показатели ФСГС РФ, так и Всемирного банка и других международных организаций.

³ См. подробнее Приложение 1 и примечания относительно эмпирической базы анализа в тексте книги.

⁴ Подробнее об этой Программе см. www.issp.org.

В заключение хотелось бы выразить глубокую благодарность руководству Института социологии ФНИСЦ РАН и в первую очередь его директору, академику М. К. Горшкову, за предоставленные для исследования данные и постоянную поддержку нашего научного коллектива. Искреннюю благодарность за поддержку хотелось бы выразить и руководству Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в особенности директору Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Н. Овчаровой. Особо хотелось бы отметить также, что наше исследование осуществлялось при участии Российского фонда фундаментальных исследований, профинансировавшего проект «Динамика модели доходной стратификации российского общества в социологическом измерении (1992–2017)»⁵, ставший завершающей точкой работы нашего авторского коллектива по проблематике доходной стратификации.

⁵ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 17-03-00290.

Раздел 1.

**Построение модели доходной стратификации:
теоретико-методологические основания
и особенности отдельных групп и слоев**

Глава 1.1. Проблема построения моделей доходной стратификации в социальных науках¹

Дифференциация доходов населения и уровень неравенства входят в число наиболее острых социально-экономических проблем современных обществ, а зачастую формируют даже политическую повестку отдельных стран. Неудивительно, что и в академической литературе они находятся в зоне внимания исследователей. При этом распределение доходов не единственный монетарный индикатор уровня жизни. Их альтернативой могут выступать расходы как показатель характеристик потребления² или же накопленное богатство³. Однако нам видится более перспективным изучение именно доходов индивидов и домохозяйств — ведь они свидетельствуют не только о реальном уровне жизни и возможностях в сфере потребления, но и о перспективах сберегательного и инвестиционного поведения людей в долгосрочной перспективе. В то же время расходы больше говорят о выбранном образе жизни с учетом имеющихся ограничений, а накопленное богатство, причем как финансовое, так и нефинансовое, дифференцирует лишь небольшую часть населения.

Необходимость углубленных исследований доходной стратификации была артикулирована еще более четверти века назад учеными, рассматривавшими доходное распределение как одно из важнейших оснований социальной стратификации⁴ и много сде-

¹ См. расширенную версию данной главы: *Аникин В. А., Лежнина Ю. П.* Экономическая стратификация: к вопросу об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1.

² Например: *Banerjee A. V., Duflo E.* What is middle class about the middle classes around the world? // *The Journal of Economic Perspectives: A Journal of the American Economic Association.* 2008. Vol. 22. No. 2.

³ *Global Wealth Report.* Credit Suisse Research Institute. Switzerland. 2015. (URL: publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=F2425415-DCA7-80B8-EAD989AF9341D47E).

⁴ *Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press. 1990; *Lenski G.* Income stratification in the United States: toward a revised model of the system // *Research in Social Stratification and Mobili-*

лавыми в этом направлении. Тем не менее данная потребность актуальна и сегодня⁵, в т. ч. для современной России⁶. Более того, эта проблематика вызывает интерес специалистов из разных областей знаний, хотя наиболее заметными «игроками» здесь являются социологи и экономисты. Для социологов проблематика доходов выступает основой изучения «социальных действий» людей, основанных на их жизненных шансах в разных областях и наличии у них разных видов ресурсов. Для экономистов же доходы и доходное неравенство являются неотъемлемыми атрибутами концепции предполагаемых возможностей («capabilities»), основанной на теориях благосостояния и справедливого распределения в их современных версиях, базирующихся на сравнении уровней доступных индивидам ресурсов⁷. При этом рассмотрение проблематики доходных неравенств экономистами часто пересекается с темами, которые являются ключевыми для социологов, в т. ч. такими, как справедливость, неравенство, бедность, средний класс. В меньшей степени проработана в литературе в этом контексте проблематика богатства⁸. При этом опыт выделения тех или иных доходных групп

ty. 1984. Vol. 3; *Rytina J. H., Form W. H., Pease J.* Income and stratification ideology: Beliefs about the American opportunity structure // *American Journal of Sociology*. 1970. Vol. 75. No. 4.

⁵ *Ceriani L., Verme P.* The income lever and the allocation of aid // *The Journal of Development Studies*. 2014. Vol. 50. No. 11.

⁶ *Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. E.* Income stratification: Key approaches and their application to Russia // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 02/PSP/2016. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2016; *Бобков В. Н., Колмаков И. Б.* Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. № 4; *Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С.* Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // *Социологические исследования*. 2001. № 6; *Григорьев Л. М., Салмина А. А.* «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения // *Социологический журнал*. 2013. № 3; *Тихонова Н. Е.* Стратификация по доходам в России на фоне других стран // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3; *Тихонова Н. Е.* Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2.

⁷ *Sen A.* Inequality reexamined. Oxford. New York: Clarendon Press. Russel Sage Foundation. 1992.

⁸ *Brzezinski M.* Variance estimation for richness measures // Luxembourg Income Study (LIS) Working Paper Series. 2011. No. 11; *Eisenhauer J. G.*

в академической литературе, независимо от ее отраслевой принадлежности, обычно связан с изучением отдельных элементов социальной структуры (соответственно бедных, среднего класса и т. д.), а не с построением моделей социальной стратификации общества в целом.

Междисциплинарное продвижение в изучении доходной стратификации значительно осложняет путаница в понятиях. Например, социологи и экономисты по-разному трактуют базовые понятия социальной структуры, в частности понятия «группы», «страты», «слои» и «классы». Несмотря на то, что в социологии сложилась целая традиция анализа социальных групп, берущая свое начало еще с работ Г. Зиммеля⁹, экономисты активно используют это понятие для описания выделяемых ими доходных категорий и рангов, не учитывая традиционные критерии выделения групп в социологии. Исключения составляют случаи, когда за основу разбиения населения берется отношение индивидов или домохозяйств к тому или иному доходному процентилю, а также индексные методики доходной стратификации¹⁰, когда деление населения на группы заведомо основано скорее не на социальной теории, а на практических нуждах исследования (например, необходимости контролировать нелинейность анализируемых процессов). Социологи же редко используют подобные формальные деления, отдавая предпочтение при анализе социальной структуры общества теоретически более проработанным классификациям (например, классовым схемам Дж. Голдторпа и его коллег¹¹, Э. Райта¹²,

The rich, the poor, and the middle class: Thresholds and intensity indices // *Research in Economics*. 2011. Vol. 65. No. 4.

⁹ *Simmel G.* The persistence of social groups // *The American Journal of Sociology*. 1898. Vol. 3. No. 5.

¹⁰ *Yitzhaki S., Lerman R.I.* Income stratification and income inequality // *Review of income and wealth*. 1991. Vol. 37. No. 3.

¹¹ *Goldthorpe J.H., McKnight A.* The economic basis of social class / *Morgan S.L., Grusky D.B., Fields G.S.* (Eds.) *Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics*. California: Stanford University Press, 2006; *Erikson R., Goldthorpe J.H.* *The constant flux: A study of class mobility in industrial societies*. Oxford: Clarendon Press, 1992.

¹² *Wright E.O.* A General Framework for the analysis of class structure // *Wright E.O. et al.* (Eds.) *The debate on classes*. New York: Verso, 1989; *Wright E.O.* *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Д. Груски и его коллег¹³, Д. Треймана¹⁴ и др.), или даже вообще выражают скепсис по поводу попыток увязать дифференциацию населения по доходу с логикой социальной стратификации¹⁵.

Таким образом, задача взаимоувязывания социальной стратификации и доходного неравенства по-прежнему сохраняет свою значимость, причем не только практическую, но и теоретическую¹⁶. И хотя стратификация исключительно на основе доходов ограничена в своих эвристических возможностях при анализе социальной структуры в целом, она может красноречиво свидетельствовать о происходящих в этой области процессах, их тенденциях и масштабах. При этом сами доходные группы формируют упорядоченную однокритериальную схему классификации общества¹⁷, пусть и простую, но уже закрепившуюся как отдельная традиция в структурной социологии¹⁸.

¹³ Liu Y., Grusky D.B. The payoff to skill in the Third industrial revolution // American Journal of Sociology. 2013. Vol. 118. No. 5; Weeden K.A., Grusky D.B. The case for a new class map // American Journal of Sociology. 2005. Vol. 111.

¹⁴ Treiman D.J. Occupational prestige in comparative perspective. New York: Academic Press, 1977.

¹⁵ Wodtke G.T. Social class and income inequality in the United States: Ownership, authority, and personal income distribution from 1980 to 2010 // American Journal of Sociology. 2016. Vol. 121. No. 5.

¹⁶ Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальная безопасность среднедоходных групп в России // Вестник Института социологии. 2016. № 19. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Октябрь 2016. М.: НИУ ВШЭ, 2016; Тихонова Н.Е. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // Общественные науки и современность. 2017. № 2; Тихонова Н.Е., Слободениук Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1; Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2009; O'Brien D.J., Wegren S.K., Patsiorokovskiy V.V. Income stratification in Russian villages from profession to property // Problems of post-communism. 2007. Vol. 54. No. 1.

¹⁷ Отметим, впрочем, что говорить о доходной стратификации как отражении реальной структуры общества можно, только если доходные группы выделены не случайным, формальным образом, а на основе содержательных критериев, отражающих реальную разницу их возможностей и ресурсов, различий в устойчивости их положения и определяющих его факторов. Именно такой подход и будет использован в данной книге.

¹⁸ Grusky D.B. The past, present, and future of social inequality / Grusky D.B. (Ed.) Social stratification: Class, race, and gender in sociological perspective (Second ed.). Boulder: Westview Press, 2001; Parsons T. An analytical approach to the theory of social stratification // American Journal of Sociology. 1940. Vol. 45. No. 6.

С методологической точки зрения построение шкалы доходной стратификации и выбор рангов доходного распределения для обеспечения отражения реальной неоднородности общества является непростой задачей. Наибольшие вопросы при этом вызывает то, где именно должны проходить границы различных доходных групп, чтобы обеспечить их относительную гомогенность и при этом дифференцированность между собой. Для определения этих порогов могут использоваться различные подходы, основные среди которых — абсолютный и относительный. В рамках **абсолютного** подхода границы дохода различных социально-экономических групп задаются конкретной денежной суммой, а в рамках **относительного** отправной точкой анализа выступают средние (реже) или медианные (чаще) показатели дохода, а также децильные распределения (или иное распределение, основанное на процентилях).

Целесообразность применения для России как самих этих подходов, так и определенных доходных границ в их рамках дискуссионна, поскольку они разрабатывались для разных целей и для стран, находящихся на различных этапах экономического и социального развития, поэтому выбор оптимальной методики для доходной стратификации — отдельная и важная задача. Отправной точкой ее решения выступает анализ опыта применения абсолютного и относительного подходов в такого рода исследованиях.

Абсолютный подход к доходной стратификации

Абсолютный подход к выделению тех или иных доходных групп в значительной степени является экстраполяцией на доходную стратификацию общества в целом опыта определения бедности через выделение ее монетарной границы. Для национальных статистик величина черты бедности в основном определяется через прожиточный минимум (ПМ), т. е. стоимость товаров и услуг, обеспечивающих удовлетворение базовых потребностей, а также обязательных платежей. Также зачастую в потребительской корзине нормативно устанавливается доля непродовольственных товаров. В этой логике для целей государственной статистики бедные выделяются обычно посредством сравнения доходов населения с прожиточным минимумом. Соответствующая практика типична для статистических

служб многих стран с разным уровнем развития и национального дохода. Ее использует и Россия, и статистический комитет СНГ¹⁹, и такая развитая страна, как США, хотя в США стандарты потребления не ограничиваются возможностями физического воспроизводства населения и при расчете черты бедности учитывается, что доля расходов на продукты питания в минимальной потребительской корзине должна составлять не более трети всех расходов²⁰ — это заметно ниже, чем, например, в современной России (50%).

Стоит отметить, что определение национальных черт бедности учитывает географическую, экономическую, культурную и т. д. специфику стран. Соответственно, эти пороги бедности характеризуют порой принципиально разные наборы товаров и услуг, что затрудняет международные сопоставления реального уровня жизни населения. В этих условиях построение шкал доходной стратификации на основании абсолютных значений и последующее их сравнение требует аккуратного учета таких показателей, как этап индустриализации страны, уровень ее модернизированности и т. д., что означает дифференцирование соответствующих границ для населения стран с разным уровнем социально-экономического развития²¹.

Еще одним вариантом определения национальных линий бедности может выступать размер доходов или расходов, соответствующих потреблению определенного количества калорий (в основном 2 100 или 2 400 в сутки, хотя существуют и иные варианты²²). Однако в силу того, что одно и то же количество калорий может обеспечиваться принципиально разными продуктовыми корзинами с разной стоимостью, этот вариант расчета черты бедности имеет умеренную популярность.

Альтернативой, избегающей прямых денежных измерений, является практика выделения доходных групп через границы долей

¹⁹ Ясинский А. Обзор методов и источников данных для измерения бедности в странах Содружества. Минск: Галатея, 2014.

²⁰ Более подробно о методике выделения группы бедного населения в США см. на официальном сайте Бюро переписи населения Census Bureau (URL: www.census.gov/topics/income-poverty/poverty/about.html).

²¹ Cowell F. Measuring inequality (Third ed.). Oxford: Oxford University Press, 2011.

²² Report of the Expert Group to Review the Methodology for Measurement of Poverty. Government of India Planning Commission. 2014. June. (URL: planningcommission.nic.in/reports/genrep/pov_rep0707.pdf).

дохода, затрачиваемых на питание. Исторически подобные методики разрабатывались для развивающихся стран (в частности, Латинской Америки, где они широко используются до сих пор). При выделении группы бедного населения в них учитываются различные относительные доли расходов на питание (например, 80% общего бюджета домохозяйств для крайне бедных, 60% — для бедных и 40% для уязвимых)²³.

Наиболее широкое распространение, в первую очередь для сравнительных исследований, получила, однако, методика определения черты бедности Всемирного банка (ВБ), разработанная еще в начале 1980-х гг. М. Раваллионом и его коллегами, а также различные ее разновидности²⁴. Доходные границы в рамках этой методики выделены на базе национальных границ бедности отдельных стран, причем поскольку эта методика разрабатывалась и используется в основном для анализа ситуации в развивающихся странах, то именно их официально установленные пороги бедности и легли в основу соответствующей «демаркационной линии» в методике в целом. Изначально именно на этой основе в качестве порога бедности в развивающихся странах Всемирный банк рассматривал сумму, равную одному доллару США в день по паритету покупательной способности (ППС)²⁵. Этот показа-

²³ См., например: Urban poverty report: a study of poverty, food insecurity and resilience in Afghan cities. Danish Refugee Council (DRC). 2014; *Levine S. et al.* A review of poverty and inequality in Namibia. Windhoek: Central Bureau of Statistics / National Planning Commission. 2008.

²⁴ *Chen S., Ravallion M.* China is poorer than we thought, but no less successful in the fight against poverty / Anand S., Segal P., Stiglitz J. (Eds.) Debates on the measurement of poverty. Oxford. UK: Oxford University Press, 2010; *Chen S., Ravallion M.* The developing world is poorer than we thought, but no less successful in the fight against poverty // *Quarterly Journal of Economics*. 2011. Vol. 125. Issue 4; *Ravallion M.* A Global Perspective on poverty in India // *Economic and Political Weekly*. 2008. October 25. Vol. 43. No. 43; *Ravallion M., Chen S., Sangraula P.* Dollar a day revisited // *World Bank Economic Review*. 2009. Vol. 23; *Ravallion M., Datt G., Van de Walle, D.* Quantifying absolute poverty in the developing world // *Review of Income and Wealth*. 1991. Vol. 37.

²⁵ Определение ППС методически достаточно нетривиально, что приводит к множеству вариантов его расчета. Всемирный банк для расчета ППС использует свою Программу международных сопоставлений (ПМС, 199 стран-участниц). В ее рамках каждые шесть лет проводятся обследования для сбора данных о ценах и расходах для целого ряда конечных това-

тель условно аппроксимировал значение национальных границ бедности 22 развивающихся стран, вошедших в расчеты Всемирного банка. При этом методика «1 доллара» была ориентирована только на страны таких регионов, как Африка, Южная Азия, Восточная Азия и страны Тихоокеанского бассейна. Для стран Европы, Центральной Азии, Латинской Америки, стран Карибского бассейна, Северной Африки и Ближнего Востока, отнесенных Всемирным банком к группе стран со средними доходами, изначальный порог бедности устанавливался на уровне двух долларов, что примерно соответствовало медианному показателю черт бедности всех развивающихся стран, которые входили в выборку Всемирного банка. Стоит отметить, что Россия по классификации Всемирного банка входит в число стран с доходами выше среднего²⁶, т. е. черта бедности в ней должна сейчас заведомо находиться выше этой медианы.

Впоследствии, по мере расширения выборки стран, используемых для международных сопоставлений, и с учетом инфляции в США, эти показатели неоднократно претерпевали изменения. К 2017 г. в качестве границ бедности вместо показателей в 1 и 2 долл. стали использоваться показатели в 1,9 и 3,1 долл. в день по ППС (в ценах 2011 г.) соответственно. В целом же в рамках методики «1 доллара» Всемирного банка в исследованиях разных лет применялись такие варианты этих границ с учетом ППС, как 1 долл., 1,25 долл., 1,45 долл., 2 долл., 2,5 долл. и т. д. Удвоение границы бедности рассматривается как основа для выделения порога уязвимости к бедности, т. е. ее высоких рисков.

Логика Всемирного банка по определению черты бедности транслируется в рамках абсолютного подхода к доходной

ров и услуг, которые включены в ВВП, в т. ч. для потребительских товаров и услуг, государственных услуг и пр. (более подробно см. на официальном сайте Всемирного банка ([URL: iresearch.worldbank.org/PovcalNet/index.htm?0,2](http://iresearch.worldbank.org/PovcalNet/index.htm?0,2))). В настоящее время доступны данные по ППС Всемирного банка на 2011 г. Анализ доходных распределений, построенных с учетом ППС, существенно отличается от аналогичных расчетов на базе обменных валютных курсов. Так, например, для России стоимость доллара по ППС соответствовала на 2011 г. 17,35 руб., в то время как по обменному курсу она составляла тогда 29,35 руб.

²⁶ Источник данных: официальная статистика Всемирного банка ([URL: data.worldbank.org/country/russian-federation](http://data.worldbank.org/country/russian-federation)).

стратификации и в практиках выделения в развивающихся странах среднего класса. Безусловно, понятие «класса» при доходной стратификации корректно использовать только в рамках одноступенчатого классового анализа, существующего наряду с неовейберовскими и неомарксистскими его версиями²⁷. Согласно ему, классы выделяются в рамках вертикальной стратификации на базе уровня их благосостояния: от бедности к богатству. Несмотря на упрощенный характер этого подхода к классовой структуре, он находит распространение не только в рамках маркетинговых, но и в ряде академических исследований²⁸.

М. Раваллион²⁹ определяет нижнюю границу среднего класса развивающихся стран (включая как собственно средний, так и верхний средний класс) на уровне черты бедности (2 долл.), а верхнюю (13 долл.) — как границу бедности в США с учетом ППС, показывая тем самым, что средний класс в развивающихся странах — это те, кто уже не беден согласно стандартам этих стран, но беден по стандартам развитых стран. Он также отмечает целесообразность выделения в этом классе в развивающихся странах верхнего среднего сегмента с нижней границей его доходов в 9 долл. по ППС, что соответствует самой высокой черте бедности среди развивающихся стран, анализировавшихся в рамках соответствующего исследования, — в Уругвае. Для попадания в «западный средний класс», по мнению М. Раваллиона, необходимо как минимум пересечь черту доходов, равную черте бедности в США.

При сохранении логики определения границ среднего класса и применения ее к иным регионам соответствующие значения дохода в долларах и даже набор анализируемых «классов» меняются³⁰. Так, для России при выделении среднего

²⁷ *Wright E. O.* Foundations of a neo-Marxist class analysis. / Wright E. O. (Ed.) *Alternative Foundations of Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

²⁸ См. подробно: *Тухонова Н. Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014.

²⁹ *Ravallion M.* The developing world's bulging (but vulnerable) middle class // *World development*. 2010. Vol. 38. No. 4

³⁰ См.: *Vakis R., Jamele R., Lucchetti L.* Overview: Left behind: Chronic poverty in Latin America and the Caribbean. Washington, DC: World Bank, 2015; *Dang H., Ianchovichina E.* Welfare dynamics with synthetic panels: the case of the

Содержание

Введение.....	3
---------------	---

Раздел 1. Построение модели доходной стратификации: теоретико-методологические основания и особенности отдельных групп и слоев

Глава 1.1. Проблема построения моделей доходной стратификации в социальных науках	10
Глава 1.2. Выделение гомогенных доходных групп: вопросы методики.....	49
Глава 1.3. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа с помощью методов статистической классификации	71
Глава 1.4. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа рисков бедности.....	93
Глава 1.5. Особенности жизни и потребления представителей различных доходных групп	117

Раздел 2. Модель доходной стратификации российского общества: сравнительно-динамический анализ и факторы

Глава 2.1. Модель доходной стратификации российского общества: динамический анализ	148
Глава 2.2. Сравнение моделей доходной стратификации в России и в других странах	174
Глава 2.3. Трансформация модели доходной стратификации в России: динамический анализ в международном контексте (1990–2010-е гг.)	201
Глава 2.4. Территориально-поселенческая вариативность доходной стратификации в России: состояние и тенденции изменений.....	225

Глава 2.5. Факторы принадлежности к различным доходным группам и слоям.....	245
Глава 2.6. Факторы относительной и абсолютной бедности	273
Заключение	294

Приложения

Приложение 1.....	306
Приложение 2.....	314
Приложение 3.....	315
Приложение 4.....	316
Приложение 5.....	317
Приложение 6.....	318
Приложение 7.....	320
Приложение 8.....	321
Приложение 9.....	322
Приложение 10	323
Приложение 11	324
Приложение 12	325
Приложение 13	327
Приложение 14	328
Приложение 15	329
Приложение 16	330
Приложение 17	331
Приложение 18	332
Приложение 19	333
Приложение 20	334
Приложение 21	336
Приложение 22	340
Приложение 23	350
Приложение 24	354
Приложение 25	358
Сведения об авторах	363